

ляется то, что автор, занимаясь историей политической мысли на Руси X—XII вв. (с экскурсами в XIII—XVI вв.), не видит развития этой мысли и даже не ставит своей задачей исследовать ее развитие. Он видит только более или менее полное и удачное воплощение готовой, заимствованной идеи, доверчиво следуя за построениями средневековых христианских идеологов.

В результате можно сказать, что Ф. Дворнику не удалось правильно показать ни настоящую историю идеи княжеской власти на Руси, ни подлинное значение византийских политических идей в истории русской политической мысли. Эта тема еще ждет своего исследования.

После работ советских историков, археологов, литературоведов, искусствоведов, посвященных изучению конкретных вопросов взаимоотношения общества и его культуры, работ, являющихся значительным шагом вперед в мировой историографии, становится все яснее, что каждый исследователь, желающий своему труду быть если не последним словом современной науки, то хотя бы значительным вкладом в нее, должен не только знать все главное, что сделано его коллегами, но и строить свою работу на фундаменте глубоких исследований первопричины всех общественных явлений — социально-экономической жизни общества. Без этого его работа не может служить науке.

Я. Н. Щапов

Обзоры

(Византиноведение за рубежом)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ В 1954—1957 гг.

История Византии всегда привлекала внимание болгарских историков и занимала важное место в их исследованиях. Это вызвано тем обстоятельством, что болгарский народ в течение всего средневековья был соседом Византии и поддерживал с ней тесные экономические, политические и культурные связи. Они начали устанавливаться уже в период расселения славянских племен на Балканском п-ве. После возникновения Болгарского государства, и особенно после принятия Болгарией христианства (865 г.), связи с Византией становятся еще более тесными. В XI—XII вв. болгарские земли были, как известно, непосредственно включены в состав империи. Взаимосвязи между Болгарией и Византией продолжали развиваться и в период Второго Болгарского царства (1185—1396). Естественно, что византийское влияние на общественную и культурную жизнь болгарского народа было весьма велико, но и Болгария в свою очередь оказывала влияние на империю.

Большой интерес болгарских ученых к истории Византии связан и с тем, что сочинения многих византийских авторов являются важными источниками и по нашей отечественной истории.

В период, которому посвящен этот обзор, т. е. в 1954—1957 гг.¹, болгарское византиноведение по-прежнему уделяло значительное внимание исследованию вопросов социально-экономической истории Византии и, в частности, проблеме происхождения, сущности и развития византийского феодализма. Отметим наиболее интересные и важные, на наш

¹ Мы не рассматриваем работ предшествующих лет, так как это сделано уже в подробном обзоре Э. В. Удальцовой „Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953)“. ВВ, VIII, 1956, стр. 344—366.

взгляд, работы по социально-экономической тематике, расположив их в соответствии с хронологическим порядком.

Из исследований по позднеримскому и ранневизантийскому периодам истории Балканского п-ва следует назвать статьи В. Велкова: „Деревня и город во Фракии IV—V вв.“², „Некоторые проблемы позднеантичной деревни во Фракии“³ и „Сведения Фемистия о Фракии“⁴. В первой статье детально рассматривается социальная структура деревни и города позднеримской эпохи, а также характерные для того времени экономические отношения. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в IV в. наблюдается рост числа рабов, и приводит некоторые новые данные относительно развития внутренней и внешней торговли на Балканах. Вторая статья посвящена вопросу о категориях деревенского населения, о характере деревенских поселений на Балканском п-ве и их судьбе во время варварских нашествий. В третьей статье впервые используются некоторые сведения Фемистия, относящиеся к его пребыванию в пограничных районах по Дунаю в 367—369 гг.

В некоторых статьях рассматривается социально-экономическое развитие Византии в XI—XII вв. Это было время, когда в империи уже окончательно сложились феодальные отношения и когда под ее властью находились и болгарские земли, покоренные в 1018 г. в результате долгих войн. Этому периоду посвящено исследование Г. Цанковой „Юго-западные земли Болгарии в XI в. по „Стратегикону“ Кекавмена“⁵. Автор останавливается прежде всего на вопросе об истории написания „Стратегикона“ и о личности Кекавмена. В работе приведены не использованные до настоящего времени данные о налогах на городское население в империи. Автор рассматривает и некоторые вопросы византийского судопроизводства, показывает широкое распространение взяточничества, обращает внимание на особенности денежного обращения и констатирует существование ростовщичества. В статье дается подробное описание восстания болгар и владов в Фессалии в 1066 г. во главе с Никулицей Дельфином. Это восстание, вызванное вначале причинами чисто экономического характера, стало превращаться в народно-освободительное движение против Византии.

К периоду XI—XII вв. относится и небольшая статья В. Тыпковой „Известия о харистикии в наших землях“⁶. Здесь приводится текст и перевод двух писем Михаила Пселла, содержащих данные об интересном институте, характерном для феодальных отношений в Византии.

Следует упомянуть и не опубликованную еще статью П. Тивчева „О правлении византийского императора Андроника I Комнина“. В ней сделана попытка разрешить вопрос о социальной основе власти Андроника. Автор считает, что Андроник Комнин пользовался поддержкой части аристократии. Кандидатская диссертация того же автора, еще не вышедшая из печати, посвящена исследованию аграрных отношений в Византии в XII в. Основываясь на многочисленных источниках, часть которых впервые вводится в научный оборот, автор прослеживает рост и структуру крупного светского и церковного землевладения в указанный период и положение деревенского населения. В работе подробно рассматривается вопрос о формах и характере феодальной ренты, приведены новые сведения о классовой борьбе в Византии XII в.

² ИП, XI (1955), кн. 4, стр. 32—55.

³ ИП, XII (1956), кн. 5, стр. 93—109.

⁴ ИБАИ, XIX (Сборник Кацаров, II), 1955, стр. 245—249.

⁵ ИИБИ, VI (1956), стр. 589—626.

⁶ ИИБИ, V (1954), стр. 385—392.

Внимание болгарских историков привлекают и последние годы существования Византийской империи и завоевание ее османскими турками. В частности, этому вопросу посвящено исследование проф. Ангелова „Некоторые аспекты покорения балканских народов турками“⁷. Исследование насыщено богатым фактическим материалом, в большей части еще не использованным в научной литературе.

Турецкое завоевание, как показывает автор, явилось причиной упадка хозяйственной и культурной жизни на Балканах. Здесь же рассматривается вопрос об обезлюдении балканских земель и их колонизации турками.

В 1954—1957 гг. опубликовано несколько статей, в которых рассматриваются политический и военный аспекты болгаро-византийских отношений. Такова, например, статья П. Петрова „Отражение болгаро-византийских отношений второй половины XIII в. в поэме Мануила Фила «О военных подвигах знаменитого протостратора»“⁸. П. Петров анализирует данные поэмы Мануила Фила и, сопоставляя их с известиями Пахимера, вносит уточнения в датировку некоторых событий в болгаро-византийских отношениях середины и второй половины XIII в., в частности в период восстания Ивайла. Здесь же следует упомянуть и статью Л. Йончева „Болгаро-византийские отношения около середины XIV века (1331—1344 г.)“⁹. Из приведенных автором свидетельств источников видно, что в середине XIV в. Болгария принимала очень активное участие в событиях на Балканском п-ве. Так, при болгарском царе Иване-Александре была сделана попытка использовать гражданскую войну в Византии, чтобы освободить от власти империи некоторые территории. Однако феодальная раздробленность Болгарского государства и тяжелая эксплуатация, которую терпел болгарский народ, помешали укрепить за собой территории, отвоеванные у Византии. Это были, в сущности, последние успехи в расширении границ Болгарии перед турецким завоеванием.

В 1956 г. издана хрестоматия по истории Византии¹⁰, необходимая для подготовки студентов-историков. Хрестоматия содержит переводы византийских источников, относящихся преимущественно к социально-экономической истории империи. Издание осуществлено под общей редакцией проф. Д. Ангелова, переводы выполнены Г. Батаклиевым, Ст. Маслевым и П. Тивчевым.

* * *

Тесные связи, существовавшие в течении всего средневековья между Болгарией и Византией, обусловили то, что и большинство исследований по средневековой истории Болгарии так или иначе касаются и истории Византии. Естественно, что наиболее подробно болгаро-византийские взаимоотношения рассматриваются в обобщающих трудах, охватывающих весь период средневековья. Из таких работ, опубликованных в интересующие нас сейчас годы, прежде всего следует отметить первый том „Истории Болгарии“¹¹, написанный нашими известными учеными. Труд этот является большим достижением болгарской исторической науки и представляет собой основу для написания подробной многотомной марксистской истории болгарского народа. В нем с достаточной полно-

⁷ BS, XVII, 2 (1956), p. 220—275.

⁸ ИИВИ, VI (1956), стр. 545—572.

⁹ ИП, XII (1956), кв. 3, стр. 63—74.

¹⁰ „Подбрани извори за историята на Византия“, София, 1956, 361 стр.

¹¹ История Болгарии. София, 1954, изд. БАН. Раздел о средневековье написан Д. Ангеловым и А. Бурмовым.

той дана общая характеристика экономических, политических и культурных связей Болгарии с Византией в VII—XIV вв.

Другой обобщающий труд — „История болгарского государства и права“¹² проф. Д. Ангелова и проф. М. Андреева. На основе тщательного использования источников здесь с позиций марксистско-ленинской методологии обрисован процесс образования славяно-болгарского государства, его характер и развитие до турецкого завоевания и возникновения и особенности болгарского феодального права. С особым вниманием авторы останавливаются на соотношении права средневековой Болгарии с византийским правом. Они показывают, какие юридические памятники были заимствованы Болгарией у Византии, почему стало возможным это заимствование и как и в чем были изменены нормы византийского права в процессе их применения в болгарских землях.

Как и в предшествующие годы, много внимания было уделено проблеме возникновения болгарского государства и вопросу об отношениях между протоболгарами Аспаруха и славянами. Этой теме посвящена статья М. Войнова „О первой встрече болгар Аспаруха со славянами и о дате основания болгарского государства“¹³. Автор останавливается прежде всего на вопросе об отношениях между северянами и „семью племенами“ и на том, как следует понимать выражение *ὅπο πάχτων ὄντας*. Сопоставляя данные, приводимые Феофаном и патриархом Никифором, М. Войнов приходит к выводу, что северяне были частью союза или группы племен, известных византийцам под именем *ἐπτά γυνεάς* (семь племен). Перед этим славяне были федератами Византии. Протоболгары подчинили себе этих византийских федератов, расселили их и использовали в тех же целях, в которых использовала их Византия. Датой основания болгарского государства он считает 681 год.

С этим же периодом нашей истории связана и статья В. Тыпковой-Заимовой „Древнее болгарское поселение и вопрос об аулах“¹⁴. Автор поставила себе цель ответить на вопрос, принесли ли протоболгары Аспаруха свой характерный тип поселения, свои виды селищ и сохранились ли от этих поселений какие-либо следы. Она приходит к выводу, что первые поселения болгар представляли собой лишь временные лагеря, огражденные деревянными укреплениями. С развитием феодальных отношений и сглаживанием этнических различий между славянами и протоболгарами аулы, как чисто болгарские поселения, перестали существовать — они превратились в деревни со смешанным и уже оседлым населением.

Исключительно важный и интересный вопрос об отсутствии у славян рабовладельческого строя рассмотрен в работе Й. Митева „Причины, по которым болгарский народ миновал в своем развитии стадию рабовладения“¹⁵. По мнению автора, таких причин было четыре: 1) Южные славяне еще сохраняли варварские традиции и были врагами рабства. 2) Южные славяне заимствовали у Византии усовершенствованные в течение тысячелетнего периода рабовладения орудия производства и этим двинули далеко вперед развитие производительных сил. 3) Славяне были союзниками рабов в их освободительной борьбе. 4) К моменту поселения славян на Балканском п-ве рабство находилось здесь уже в упадке. Автор отмечает одновременно, что хотя болгарский народ и

¹² София, 1955, 217 стр.

¹³ ИИБИ, VI (1956), стр. 453—476.

¹⁴ ИИБИ, VI (1956), стр. 439—450.

¹⁵ „Исторически студии“, София, 1955, стр. 234—310.

миновал рабовладельческий период как особую стадию своего развития, рабство встречалось в средневековой Болгарии, и во время византийского и особенно турецкого господства, получило даже довольно значительное распространение.

Важным событием в истории болгарского народа было принятие христианства. Связанное с этим событием создание славянской письменности дало возможность болгарскому народу усвоить достижения тогдашней культуры и одновременно развивать свою самобытную культуру. С провозглашением христианства государственной религией в 865 г. вырос международный авторитет болгарского государства. Болгария стала центром высокой славянской культуры, оказавшей значительное влияние и на другие славянские народы. Но пока еще далеко не все вопросы, связанные с проблемой христианизации болгарского государства, могут считаться достаточно выясненными. Вызывает спор даже время распространения христианства в Болгарии. Так, в 1954 г. на страницах журнала „Исторически преглед“ были помещены две статьи дискуссионного характера по вопросу о том, можно ли считать датой принятия христианства 865 год или оно получило распространение у славян уже в предшествующий период. Первая точка зрения базируется главным образом на том положении, что христианизация страны была вызвана необходимостью укрепить уже сложившиеся феодальные отношения и содействовать их дальнейшему развитию. Она была поддержана проф. Ал. Бурмовым в статье „Против буржуазно-идеалистической постановки вопроса об утверждении христианства в Болгарии в IX в.“¹⁶ Утверждение христианства, показывает автор, было результатом всего общественно-экономического развития болгарского государства в VII—IX вв. Статья проф. Ал. Бурмова была направлена против теории о распространении христианства среди значительной части славян задолго до 865 г. — теории, защищавшейся проф. Е. Георгиевым в его книге „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“¹⁷. В своем ответе Ал. Бурмову [„К вопросу о христианизации средневековой Болгарии (против догматизма и схематизма в нашей исторической науке“)]¹⁸ Е. Георгиев отстаивает свою прежнюю точку зрения. Вопросу о крещении славян посвящена и статья акад. Ив. Снегарова „Списки епархий как исторический источник по христианизации балканских славян“¹⁹. Автор считает, что списки епархий — ввиду отсутствия точных хронологических данных об их издании, а также ввиду их неполноты и содержащихся в них ошибок — не могут считаться достоверными историческими источниками при исследовании вопроса о христианизации балканских славян в VIII в.

По социально-экономическому развитию Болгарии в IX и X вв. опубликовано две статьи: Л. Йончева „Некоторые вопросы законодательства Крума“²⁰ и Стр. Лишева „Некоторые данные о феодальных отношениях в Болгарии в X в.“²¹

Автор первой статьи, анализируя законодательство Крума — прежде всего распоряжения о ворах и нищих, конкретизирует наши представления о классовом расслоении в Болгарии начала IX в. Проводя аналогии со сходными моментами в истории Франкского государства, Л. Йончев истолковывает эти статьи законодательства Крума как попытку центральной власти создать военное сословие.

¹⁶ ИП, X (1954), кн. 2, стр. 36—52.

¹⁷ София, 1952.

¹⁸ ИП, X (1954), кн. 5, стр. 82—104.

¹⁹ ИИБИ, VI (1956), стр. 647—654.

²⁰ Там же, стр. 631—644.

²¹ Там же, стр. 409—436.

Во второй статье Стр. Лишев показывает, что бóльшая часть сельского населения в Болгарии X в. уже потеряла свои земли и самостоятельность и попала в зависимость от крупных светских и церковных феодалов. Множество феодалов получило в то время частичный административный, судебный и финансовый иммунитет. Центральная власть помогала феодальной аристократии держать в повиновении эксплуатируемые массы.

Однако и сама центральная власть была уже значительно ограничена знатью, которая стремилась к политической независимости.

Стр. Лишев опубликовал также и монографию „О товарном производстве в феодальной Болгарии“²². В своем труде автор пытается проследить основные этапы развития хозяйства, и особенно товарного производства, в средневековой Болгарии. Он считает, что в первый период ее истории — от основания государства до X в. — товарного производства в Болгарии не существовало. В X в. в результате развития производительных сил и усиления феодальной эксплуатации болгарская феодальная аристократия вступила в оживленные торговые сношения с Византией. Эта торговля, по мнению автора, подготовила почву для возникновения товарно-денежных отношений в болгарском натуральном хозяйстве. В XI—XII вв., во время византийского господства, товарно-денежные отношения в болгарских землях получили дальнейшее развитие. В период полного расцвета болгарского феодализма (XIII—XV вв.) главным определяющим звеном производства было уже, утверждает Стр. Лишев, не частное хозяйство крестьянина или ремесленника, а феодальное поместье. Феодалы сами вели торговлю излишками производства, так как они имели собственные рынки в городах и селах. Это было причиной того, что не появилось сколько-нибудь влиятельного местного болгарского торгового сословия. Феодальная эксплуатация и присвоение феодалами монопольного права на рыночную торговлю лишали болгарских крестьян и ремесленников XIII—XIV вв. возможности стать постоянными товаропроизводителями. Господство феодального поместья, феодальные повинности и ограничения помешали развитию товарно-денежных отношений. Болгарская экономика, заключает автор, обслуживала преимущественно иностранное товарное производство.

Важным вкладом в исследование социально-экономических отношений в Македонии XIV в. являются три статьи²³ проф. Д. Ангелова: „Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в.“²⁴, „Зависимое население в Македонии в XIV в.“²⁵ и „Крупное монастырское хозяйство в Северной и Средней Македонии в XIV в.“²⁶. На основе богатого, в значительной части еще не использованного материала источников автор дал яркую картину роста крупной монастырской феодальной собственности, показал структуру крупного феодального поместья и различные категории зависимого населения, а также развитие феодальной ренты в ее различных формах. Подробно рассмотрен и вопрос о характере феодальной собственности на землю. Много внимания уделил автор вопросу об иммунитете. Д. Ангелов связывает особенности иммунитета в Македонии с конкретной исторической обстановкой, именно с угрозой

²² София, 1957, 135 стр.

²³ Они представляют собой сокращенные части недавно опубликованной монографии „Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в.“. София, 1958 г.

²⁴ ВВ, XI, 1956, стр. 135—162.

²⁵ ИП, XIII (1957), стр. 30—66.

²⁶ „Гласник на Института за национална историја“, год. I, бр. 2, Скопје, 1957.

турецкого завоевания. Впервые столь детально исследован вопрос об аппарате управления, которым пользовались монастыри при осуществлении своих имущественных прав, т. е. при осуществлении внеэкономического принуждения. При изучении отработочной, натуральной и денежной ренты проводятся сравнения с соответствующими формами феодальной ренты в Византии, Болгарии и Сербии. Таким образом, статьи дают материал не только для изучения феодальных отношений в Македонских землях, но в известной степени и для социально-экономической истории других частей Балканского п-ва.

С большим интересом относятся болгарские историки к борьбе болгарского народа против чужеземцев и против собственных угнетателей.

После нескольких неудачных попыток свергнуть византийское иго усилил болгар во главе с братьями Асенем и Петром в 1185 г. увенчались успехом. В статье „Восстание 1185 г. и его хронология“²⁷ проф. Ив. Дуйчев на основе тщательного анализа источников и использования некоторых новых материалов дал точную хронологию событий начального периода восстания (конец 1185 и первая половина 1186 г.). Автор справедливо подчеркивает, что хронология событий болгарского освободительного движения может быть выяснена лишь в связи с хронологией событий, происходивших тогда в самой Византийской империи. Поэтому в статье содержится много материала и о внутреннем и внешнем положении Византийской империи при последних Комнинах и Исааке II Ангеле — накануне восстания.

Несколько работ посвящено восстанию Ивайла (1277—1280). Как известно, это было самое крупное крестьянское антифеодальное восстание в средневековой Болгарии. В продолжение трех лет болгарский народ с исключительным героизмом боролся против своих угнетателей-феодалов и против чужеземных нашествий татар и византийцев.

О восстании Ивайла имеется исторический очерк проф. Д. Ангелова „Ивайло“²⁸. На материале источников здесь последовательно рассматриваются: положение болгарского народа в XIII в., причины восстания, его развитие и причины поражения крестьян. Автор подчеркивает героизм крестьянских масс во главе с легендарным вождем Ивайло. Личность Ивайла и его дела оставили глубокие следы в сознании народа.

Восстанию Ивайла посвящена и кандидатская диссертация П. Петрова, значительная часть которой опубликована в „Ежегоднике“ Софийского университета²⁹. В работе обстоятельно говорится о росте феодальной собственности, о крупных феодалах, дается в целом правильная общая характеристика феодальных отношений в Болгарии XIII в. П. Петров приходит к выводу, что удар, нанесенный восстанием господствующему классу феодалов, был столь сильным, что хотя феодалы и остались победителями, они были вынуждены для сохранения своего господства изменить прежние методы и средства управления. На основе этого исследования П. Петров опубликовал популярно и живо написанный очерк истории восстания 1277—1280 гг.³⁰

Из других работ, связанных с народными движениями в средневековой Болгарии, следует отметить две статьи Б. Примова, посвящен-

²⁷ ИИБИ, VI (1956), стр. 327—356.

²⁸ София, 1954, 70 стр.

²⁹ ГСУ, фил. фак-тет, т. 49, кн. 1, 1955, стр. 175—255.

³⁰ „Въстанието на Ивайло“, София, 1956, 68 стр.

ные богомильству: „Название болгарского народа в Западной Европе в связи с богомилами“³¹ и „Отношение богомилов и их западных последователей к труду, частной собственности и государству“³². В первой статье прослеживается употребление названия „болгары“, ставшего на Западе нарицательным для обозначения еретиков. Автор полагает, что существовали связи не только между богомилами и катарами, как было принято считать до настоящего времени, но и между западными еретиками и павликианами. Во второй статье Б. Примов пытается разрешить вопрос об отношении богомилов к труду, частной собственности и государству, что очень важно для правильной характеристики общественно-политической сущности богомильского движения и выяснения сложного социального состава богомилов.

Необходимо отметить, что болгарские ученые проявляют значительную активность и в области источниковедения. Институт болгарской истории при Болгарской Академии наук готовит полное издание текстов византийских и латинских авторов, относящихся к истории болгарских земель и болгарского народа в период средних веков. В этой работе участвуют многие сотрудники Института: Ал. Бурмов, Ив. Дуйчев, В. Бешевлиев, Стр. Лишев, Г. Цанкова, М. Войнов, В. Тыпкова, Б. Примов, Л. Йончев, П. Тивчев и др. До настоящего времени вышел один том греческих источников³³, охватывающий период от III в. до середины VI в. Находятся в печати второй (VI—VII вв.) и третий (VII—IX вв.) тома греческих источников. Вышел в свет также первый том латинских источников (III—VI вв.)³⁴ и готовится к печати второй том (VI—XI вв.). Источники издаются с греческим (соответственно — с латинским) текстом, с болгарским переводом и кратким научным комментарием.

Следует упомянуть и сборник „Естествознание в средневековой Болгарии“³⁵. Здесь собраны древнеболгарские источники естественнонаучного содержания с IX до XIV в. Сборнику предпослано подробное введение акад. Цв. Кристанова, а публикация источников сопровождается вводными и объяснительными замечаниями, написанными проф. Ив. Дуйчевым.

В заключение следует сказать, что настоящий обзор не является полным и не отражает всей научно-исследовательской деятельности по изучению болгарской и византийской истории. Здесь дана лишь краткая информация о наиболее важных трудах преимущественно по вопросам социально-экономической истории Византии и Болгарии. Не вошли сюда некоторые более медкие работы по болгаро-византийским политическим и военным отношениям, исследования по отдельным византийским и болгарским источникам или памятникам культуры.

Но даже и этот перечень работ свидетельствует о том, что в течение короткого периода болгарские историки сделали значительный вклад в разработку и выяснение многих основных проблем византийского и болгарского феодализма. Успехи эти — результат усвоения и творческого применения болгарскими историками метода исторического материализма.

П. Тивчев

³¹ ИИБИ, VI (1956), стр. 359—403.

³² ИП, XII (1956), кв. I, стр. 36—59.

³³ Гръцки извори за българската история, т. 1. София, 1954, 238 стр.

³⁴ Латински извори за българската история, т. 1. София, 1958.

³⁵ Естествознанието в Средневековна България. — „Сборник от исторически извори“. София, 1954, 626 стр.